

Чтобы раздеть и связать человека много ума не надо. Четыре бугая с лёгкостью справляются с задачей за пять минут.

Я сижу в пустом классе абсолютно голый, привязанный к стулу и парте двумя верёвками. Кричать и звать на помощь было бы крайне неблагоразумно. Ведь на это и рассчитано: что я начну кричать, привлеку внимание. Даже если этого не случится, девушки всё равно будут приходить сюда по одной в поисках чего-то «крайне интересного», натыкаться взглядом на мой хоботок в волосатых зарослях и испуганно убегать. Не думаю, что у кого-нибудь хватит смелости развязать меня. Так меня и запомнят — как голого клоуна, ставшего посмешищем школы.

Вы спросите, как я вляпался в эту историю? Долго рассказывать. Скажу лишь, что наш класс сегодня дежурит на дискотеке. Уроды из параллельного класса пригласили друзей-отморозков из других школ, те пришли пьяные, эти пьяные. Догнались в туалете, сговорились, и пошло-поехало.

Я сижу голый, странно, но я не мёрзну. Разве что от волнения меня знобит. Попа прилипла к стулу, руки и ноги слегка затекли.

Не знаю, но я никогда особо не стеснялся наготы. Гораздо важнее, что обо мне подумают потом. Думаю, любая девушка, которая зайдёт, поймёт меня без слов. Сделаю безучастное лицо, чтобы она не подумала, что мне весело или грустно, или что я сам захотел. Я — йога. Точно. Они тоже раздеваются догола. Тоже отстраняются от реальности. Так и я: буду сидеть, ничего не замечая, пока меня не развязут. Буду настолько нереален, что девушка усомнится, что я вообще живой. Точно, притворюсь мёртвым. Глупо, конечно. Прежде всего нужно попросить, чтобы меня развязали.

Упс, кажется, кто-то идёт по коридору. Ну вот и первая несчастная девушка. Походка уж слишком размеренная, судя по цоканью каблучков.

Ох, нет... Похоже, это она — наша классная. Кто угодно, только не она.

Приближается к двери. Три секунды до шока, две, одна. Ручка, скрип.

Татьяна Валерьевна — учительница по черчению, по совместительству наша классная, — пожалуй, единственный человек, которого я бы устыдился. Всё очень сложно. Я два года был её любимчиком, пока она вела у нас черчение.

Теперь она стоит в нерешительности на пороге, переминаясь с ноги на ногу. Я боюсь встречаться с ней взглядом.

Больно надо. Пускай смотрит, раз уж ей не совестно рассматривать голого человека. Да к тому же ещё и связанного.

Ну что мы так и будем стоять смотреть?

Я гневно сжимаю губы, отворачиваюсь ещё дальше к окну.

Замок в двери щёлкает. Татьяна Валерьевна остаётся внутри, медленно цокает в мою сторону, останавливается в двух шагах. Пялится, конечно, на мой пенис. Ну и пусть.

— Давно здесь сидишь? — спокойно спрашивает она.

Уж не знаю, как ей это удаётся — привести человека в порядок одним словом, одной интонацией. Как гора с плеч.

— Десять минут, — бубню под нос.

— Кто-нибудь сюда заходил?

Отрицательно мотаю головой, совсем легонько, губы непроизвольно подрагивают.

— Ты меня стесняешься?

Мне, кажется, послышались нотки сочувствия в её голосе. Или только кажется? Мне самому жаль себя, безумно жаль, невероятно горько. Я только сейчас понимаю это как следует. Как же она умеет так тонко сказать простую вещь и разбудить простую жалость к себе?

— Может, развязите меня наконец, или так и будете смотреть? — выпаливаю раздражённо. Нельзя жалеть себя, эти подонки только и ждут, что я сдамся.

— Конечно, я тебя развязжу, — Татьяна Валерьевна такая добрая, ласковая. Как мама. В её сердце столько тепла. — Но сначала пообещай мне, что не будешь меня стесняться.

Мне больно даже думать об этом. Как же она хочет, чтобы я её не стеснялся?

— Вот если бы вас привязали к стулу, — цежу едко, как пила. — Голую. И все ходили и смотрели, а потом ещё просили вас не стесняться, вы бы не стеснялись?

— Я бы стеснялась, — Татьяна Валерьевна соглашается. Всё абсолютно серьёзно. Её голос звучит уверенно, убедительно, не терпит возражений. Она опускается на корточки передо мной, находит мой взгляд пытливым блеском карих глаз. Я уже смирился с тем, что она изучила мои гениталии. Почему она до сих пор не развязала меня?

На ней знакомая чёрная юбка до колен, белая блузка с рюшами. Эта женщина лет тридцати всегда вызывала у меня трепетное уважение: густые пышные волосы шоколадного цвета, волнистые, спадающие на плечи, яркие выразительные глаза, чувственные губы. Есть учителя, которых любишь просто за внешнюю красоту. А есть Татьяна Валерьевна — её полюбишь за уважение, которое она постоянно проявляет к ученикам. Она всегда дружелюбная, но если надо проявит авторитет, и все притихнут без слов. Однажды я видел её зимой с мужем и маленьким ребёнком. Она командовала парадом, заметила меня, пожурила за то, что прогуливаю субботу. Сама-то она тоже прогуливалась! В ней есть стержень — неуловимый вектор, выраженный молчанием, взглядом, любовью к работе в школе.

Уж не знаю, как ей это удаётся, одним взглядом убедить меня, что она не тот человек, который будет надо мной смеяться. Я чувствую в ней силу красоты, в её серьёзном взгляде веру в человечность. Она — добрый ангел, мой ангел-хранитель. Я понял это с первых уроков черчения, с первых вызовов к доске, когда она, скрывая удовольствие, ставила мне, неподготовленному, «отлично». Она любит интеллект, любит мужской интеллект, находчивость, этого ей не отнять. Оно заполняет сознание, меняет всё. Абсолютно всё. Я молчу, шокированный происходящим. Боюсь, что она случайно передумает.

Татьяна Валерьевна вытягивает мой пенис в тонкую колбаску. Та расправляется в твердеющий стручок, раскрывается в головке. Это немало, пятнадцать сантиметров, выросшие из четырёх.

Вот теперь Татьяна Валерьевна нежно сосёт мой член, ничего приятнее в своей жизни я не испытывал. Неужели женщины хотят ласкать член у связанного мужчины? Я теряюсь в догадках, зачем она это делает. Неужели она меня любит? Но это не важно, или важно? Она доставляет мне неземное блаженство. Сколько же удовольствия может исходить от женщины...

Я боюсь кончить, она ведь не знает, что я могу кончить. Спермой. Вдруг она подавится?

— Татьяна Валерьевна, — шепчу осторожно, чтобы не спугнуть её.

— М-м-м? — вопросительно мурлычет она, вытягивая меня до основания.

— Я сейчас кончу, — возбуждённо дышу, боясь её реакции.

Она отрывается, целует меня нежно в живот. Отклоняется назад и смотрит игриво, на равных

— никогда не видел ничего подобного. Я улыбаюсь по-детски, наивно. Сдерживаю восторг, фонтан любви, бьющий до искр в глазах, хлещет в голову.

Её рука держит член. Ногти-лодочки, которые тысячу раз мелькали перед глазами на занятиях, обвили в трубочку раздутый член. До этого я видел только чернильную ручку в этих пальчиках.

— Очень хорошо, — загадочно произносит она, облизывая губы. — Я хочу, чтобы ты кончил, — она внимательно следит зрачками кошки за моими реакциями, словно боится увидеть насмешку в моих глазах.

У меня захватывает дыхание.

— А вы не подавитесь? — почти шёпотом спрашиваю её.

— Нет, — она делает движение головой, от которого растрёпанные волосы расходятся по плечам. Татьяна Валерьевна загадочно улыбается, её губы блестят слюной. — Я проглошу твою сперму, а потом развязжу тебя.

Я растерян, я не знал, что такое бывает, что это так бывает, что это делают, что такое возможно. Что она хочет этого, что я хотел, всегда хотел, чтобы это случилось.

— Вы меня любите? — растерянно задаю ей самый важный вопрос, беспокоящий меня больше всего на свете.

Она меняется: хмурит брови, поджимая губы.

— Мне нельзя тебя любить.

— Я вас люблю, — выдыхаю глубоко запрятанную в душе истину.

Это такое счастье, понимать, что это правда.

— Я знаю, — она улыбается. — Ты ведь никому не расскажешь?

— Нет.

— Ты умный мальчик. Меня могут посадить в тюрьму, если кто-нибудь узнает.

— Я никому не скажу.

— Даже маме с папой? — она хитро улыбается.

— Нет, им я тоже не скажу, — восторг общей тайны переполняет меня.

Татьяна Валерьевна наклоняется и накрывает член губами. Её горячий язык скользит вниз, достигает яичек. Поднимается вверх, по кругу волнами раскачивает удовольствие. Её нежные пухлые губы, которые не раз затягивали взгляд на уроках, скользят по головке вниз, обжимают её снизу, натирают ровными ритмичными мазками. Горячий рот сливаются с членом, становится его продолжением. Туда я кончу — в горячую страстную плоть, желающую вытянуть из меня струйку спермы.

Язык Татьяны Валерьевны бьётся об головку, губы находят продолжение в продольном скольжении, накатывающие волны удовольствия становятся короче, сливаются в один бесконечный прилив. Этот взрыв мозга не сравнить ни с чем. Татьяна Валерьевна высасывает из меня оргазм. Почувствовав, что я вздрогиваю, она плотнее сжимает губы, активнее работает языком и рукой, стягивая губами все незабываемые моменты моей жизни в бесконечные секунды найденного смысла.

Как же невероятно прекрасен её рот. Эта сказочная женщина глотает мою сперму. Татьяна Валерьевна любит меня! Она лишила меня девственности. Ей нельзя любить меня, но она

пошла на преступление ради меня. Она открыла меня, открылась мне, доверила мне свою честь, душу. Она отдалась мне за искромётную секунду, стоя возле двери, потому что любит. Она нарушила закон, потому что любит. Потому что любит, любит меня! Теперь я знаю это наверняка.

Как же несправедлив мир, в котором нельзя любить, в котором мы связаны по рукам и ногам отношением долга и чести, обстоятельством возраста и роли в сценарии.

Какая же она классная, наша классная. Татьяна Валерьевна — только она способна любить так сильно, чтобы поставить на чашу весов всё, что есть в жизни — семью, работу, честь, отношения — ради одного счастливого момента бытия — этого прикосновения к любимому.

(На момент описанных событий главному герою уже исполнилось 18 лет.)